

В тесной и мрачной комнате мужчина сидел перед экраном компьютера. Все шторы были плотно задернуты, блокируя внешний свет. Холодное свечение монитора падало на его лицо, придавая ему зловещий и пугающий вид.

Но больше всего пугало ледяное сияние в его глазах, полное ненависти. Он пристально смотрел на фотографию на экране, где Юй Цяохай склонил голову, словно извиняясь перед кем-то.

— Не должно быть так... Цяоцяо не должен извиняться... — хриплый голос раздался в комнате.

На экране появился документ, заполненный ярко-красными иероглифами: «Ань Фан, умри!»

— Он должен умереть, он должен умереть! — хриплый голос эхом разнёсся по комнате.

Игривые лучи солнца пробивались через неплотно задернутые шторы, словно украдкой осматривая всё вокруг.

На стенах комнаты были развешаны фотографии одного человека — мужчины с характерной внешностью, мягко улыбающегося. Это был Юй Цяохай. В противоположность им, на полу валялись обрезанные фотографии, на которых отсутствовали головы. При ближайшем рассмотрении можно было разглядеть, что это были обложки последнего журнала с Ань Фаном.

Уголки его губ, скрытые в темноте, едва заметно приподнялись, обнажая леденящую душу улыбку...

****На съёмочной площадке****

Приближался Новый год, и съёмки сериала «Утренняя звезда» становились всё более напряжёнными, чтобы успеть к премьере после праздников. И Хуай, вернувшись из командировки, с каждым днём был всё занятее. Ань Фан и И Хуай уже давно не виделись.

Календарные листы сменяли друг друга, и день завершения съёмок наступил 31 декабря. И Хуай отложил все дела, чтобы встретить Ань Фана после окончания работы.

Сегодня был канун Нового года по григорианскому календарю, и все члены съёмочной группы были в приподнятом настроении. Режиссёр, желая сделать приятное, раздал всем красные конверты с деньгами. Суммы были небольшие, но это было знаком внимания, и получившие их сотрудники работали с удвоенной энергией.

— Ну же, группа А, готовьтесь, подготовьте подвесные тросы! — режиссёр с громкоговорителем в руках стоял посреди дороги и кричал.

Несмотря на громоздкие пуховики, сотрудники двигались быстро, ведь это была последняя сцена, и все были полны энтузиазма.

Помощник режиссёра подошёл к Ань Фану, который надевал подвесную систему.

— Брат Фан, готов?

Ань Фан кивнул. Ли Хай, стоявший рядом, собирался проверить тросы, как вдруг заметил, что человек, закрывающий болты спиной к нему, выглядел знакомо.

— Брат Хай! Брат Фан готов? — помощник оператора подбежал с вопросом.

Ли Хай, отвлечённый, обернулся к Ань Фану:

— Брат Фан, как дела?

— Готов, — ответил Ань Фан, уже надев обтягивающий костюм и готовясь надеть сценический наряд. Визажист рядом подправлял его макияж.

Ли Хай взял костюм со стула и, обернувшись, взглянул в сторону подвесного механизма, удивлённо ахнув. Того человека уже не было на месте.

На мгновение Ли Хай задумался, но затем покачал головой и сказал Сяо Туну, стоявшему рядом:

— Сяо Тун, проверь подвесную систему.

— Это же может сделать любой сотрудник, — не задумываясь, ответил Сяо Тун.

Ли Хай нахмурился, молча смотря на Сяо Туна. Тот, осознав свою ошибку, поспешно заулыбался:

— Сейчас, сейчас пойду.

Сяо Тун повернулся к подвесному механизму. Спина к Ли Хаю его лицо исказилось от презрения:

— Хм, посмотрим, как долго ты ещё сможешь мной командовать, прихвостень!

Ли Хай, поручив дело Сяо Туну, занялся костюмом Ань Фана. Костюм никак не хотел застёгиваться, и никто не заметил, как недовольный Сяо Тун просто обошёл вокруг, даже не прикоснувшись к тросам.

— Проверил?

— Да, — улыбнулся Сяо Тун, откровенно солгав.

— Брат Фан, готово, — Ань Фан был занят с костюмом, и Ли Хай не усомнился в словах коллеги.

Костюмер, приложив немало усилий, наконец застегнул упрямую пуговицу, и все вздохнули с облегчением.

Всё было готово, и каждый занял своё место. Режиссёр с громкоговорителем встал перед камерой, и съёмка началась.

— Директор И может скоро прийти. Если приедет, встретить его, — Ань Фан передал Ли Хаю телефон, давая указания.

Ли Хай кивнул. Сяо Тун подошёл и, глядя на телефон в его руках, сказал:

— Брат Хай, давайте я подержу, вам неудобно с таким количеством вещей.

После инцидента с Тун Юй, когда она взяла телефон Ань Фана, все были настороже. Ли Хай покачал головой:

— Не нужно, иди и следи, чтобы брат Фан получил пуховик после съёмок.

Сяо Тун скривился и ушёл.

Ань Фан вышел на съёмочную площадку, всё было готово.

Это был его первый опыт работы с подвесной системой, и он чувствовал лёгкое волнение. По мере того как тросы натягивались, он начал подниматься в воздух, всё вокруг становилось меньше, а камера на кране казалась всё ближе. Он слегка наклонился, наслаждаясь этим острым ощущением.

Хотя работа с подвесной системой была захватывающей, она могла быть травмоопасной, поэтому нельзя было долго висеть в воздухе. Как только режиссёр дал команду начать, Ань Фан быстро сосредоточился на съёмке.

Никто не заметил, как человек в чёрной одежде бросил гаечный ключ на землю и незаметно покинул съёмочную площадку. Уходя, он огляделся, но не заметил маленькую камеру в углу, которая зафиксировала всё происходящее...

По мере того как тросы поднимались, барабан с тросами начал вращаться, и маленькая гайка издала скрипящий звук. Звук был слишком тихим, и занятые съёмкой люди его не услышали.

— Отлично, Ань Фан, посмотри вниз, да, и произнеси текст.

Ань Фан следовал указаниям режиссёра, всё шло как по маслу.

И Хуай как раз прибыл на площадку, и Ли Хай, заметив его издалека, проводил внутрь.

— Брат Фан всё ещё снимает, подождёте здесь или...?

— Пойду на площадку.

Ли Хай вёл себя осторожно, он мало общался с И Хуаием и не решался быть слишком навязчивым.

Цинь Тяньчэн, его преданный секретарь, не сопровождал его. И Хуай последовал за Ли Хаем на площадку. Ань Фан, висящий в воздухе, с высоты сразу заметил И Хуайя. Хотя они находились на некотором расстоянии, глаза Ань Фана слегка сузились, и в них появилась улыбка.

И Хуай расслабился, прислонившись к дереву, и, слегка запрокинув голову, смотрел на Ань Фана в воздухе.

Тросы были специального типа, которые можно было удалить на этапе постпродакшна, но на съёмочной площадке они были хорошо видны. Взгляд И Хуайя, который был сосредоточен на Ань Фане, внезапно задержался на двух тросах, которые казались слегка асимметричными.

И Хуай, казалось, что-то заметил, его лицо изменилось, и он внезапно закричал:

— Что-то не так, с тросами проблема!

Ли Хай побледнел.

Крик И Хуайя напугал всех. Ань Фан не мог их слышать. В тот момент, когда И Хуай бросился к Ань Фану, тот, вися в воздухе, почувствовал тяжесть в левом боку. Все услышали треск, и в следующую секунду Ань Фан перевернулся в воздухе — правый трос порвался!

Режиссёр тоже понял, что произошло, и, глядя на падающего Ань Фана, закричал:

— Натяните тросы! Принесите маты!

Барабан с тросами начал быстро вращаться, Ань Фан не мог контролировать своё падение. Даже такой хладнокровный человек, как он, побледнел. Ань Фан широко раскрыл глаза, его талию сдавливал натянутый трос, врезаясь в плоть, и он чувствовал, как его тело буквально разрывается на части.

Ань Фан побледнел от боли, он уже не мог кричать. Видя, как земля приближается, он смирился и закрыл глаза.

Сердце И Хуайя чуть не остановилось от ужаса. Он среагировал быстрее режиссёра. Все, опомнившись, бросились натягивать тросы, но времени на то, чтобы принести маты, не было. И Хуай, не думая ни о чём, развёл руки и бросился к месту, где падал Ань Фан.

[Примечание автора: Сцена в начале главы показывает одержимого фаната, что создаёт напряжение и предвещает будущие конфликты. Описание съёмочного процесса и саботажа подвесной системы основано на реалиях кинопроизводства.]

<http://bllate.org/book/16314/1472462>